

УДК 332.1:330.3

DOI: 10.17223/19988648/53/14

Е.А. Фролова, И.В. Шарф

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

В статье представлена оценка динамики социальных показателей устойчивого развития экономик группы нефтедобывающих регионов РФ с малыми и трудноизвлекаемыми запасами. В результате исследования установлено, что значительная часть социальных показателей (безработица, бедность, демографические показатели, индекс качества жизни) демонстрируют ухудшение положения дел в отдельных нефтедобывающих регионах, что свидетельствует о закреплении ресурсной зависимости этих региональных экономик. Снижение показателей является как следствием ухудшения положения дел в мировой экономике, так и диспропорций в отраслевой структуре регионального производства, что создает угрозу устойчивому развитию нефтедобывающих регионов.

Ключевые слова: нефтедобывающие регионы, устойчивое развитие, качество жизни, ресурсная зависимость, социальные и демографические индикаторы.

В программном стратегическом документе «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [1] в качестве ключевого вызова обозначаются «значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов, неравномерное размещение производительных сил и расселение населения на территории страны». В основе региональных различий лежат природно-климатические условия и ресурсы, которые относятся к базовым факторам, которые в силу объективных причин изменить невозможно [2]. Они порождают диспропорции в социально-экономическом развитии, которые ярко иллюстрируются отсутствием пропорциональности и несоразмерностью в региональной экономике, в частности в соотношении добывающей и обрабатывающей промышленности. К факторам второй природы относят систему расселения и демографические характеристики, обеспеченность инфраструктурой, уровень развития и структуру экономики, институты и политику государства, в том числе и по отношению к региону. Они порождают социально-экономическое неравенство, предполагающее неравномерность в распределении собственности, доходов, прав, благ и измеряемое показателями, характеризующими благополучие населения и которое можно сократить посредством институционального воздействия. В сово-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 18-010-00660 Концептуальные подходы к парадигме устойчивого и сбалансированного недропользования области с учетом специфики минерально-сырьевой базы и отраслевой структуры в целях обеспечения долгосрочного социально-экономического роста нефтедобывающего региона.

купности они определяют уровень устойчивости и сбалансированности территориального развития, а также тенденции, которые в научной литературе аккумулированы в понятии «ресурсное проклятие» [3].

Анализ причин и последствий сырьевой ориентации экономики («ресурсного проклятия») представлен в работах российских и зарубежных авторов. В частности, С. Гуриев и соавт. отмечают, что в долгосрочном периоде изобилие ресурсов может не столько стимулировать, сколько замедлять экономическое развитие, несмотря на то, что доходы от продажи сырья могут увеличивать совокупный спрос, инвестиционную активность и ускорять технологическое развитие [4]. Однако, как отмечают авторы, ресурсное богатство может приводить к ухудшению качества физического и человеческого капитала, а также политических институтов и росту неравенства из-за особенностей механизмов перераспределения ресурсной ренты. Преодолеть ресурсное проклятие или снизить его отрицательные последствия можно путем диверсификации отраслевой структуры экономики, уменьшения имущественного неравенства, развития финансового сектора, в первую очередь путем роста доступа к финансовым ресурсам предприятий несырьевых отраслей и укрепления макроэкономической стабильности.

Важную роль в преодолении сырьевой ориентации экономики играет территориальная структура распределения производства в РФ. Региональные различия существовали всегда в российской истории. Активное развитие нефтяной промышленности во второй половине XX в. их усилило, в том числе и на муниципальном уровне [5], а в постсоветский период региональная финансово-налоговая политика явилась дополнительным катализатором.

В результате во многих современных исследованиях авторы делят регионы России на две большие группы: ресурсные регионы (в том числе нефтегазовые) и остальные регионы, анализируя особенности и тенденции их развития, причины и последствия усиления сырьевой ориентации региональной экономики.

В том числе С.Н. Левин и соавт. выделяют дискретные структурные альтернативы развития ресурсных регионов: регионы с анклавной двойственной экономикой (ресурсозависимые) и целостной региональной экономикой (ресурсообеспеченные), отмечая, что в случае ресурсной зависимости формируется изолированный от остальной экономики экспортный сектор, который не создает стимулов для развития и модернизации остальной экономики. Напротив, в целостной региональной экономике ресурсный сектор становится локомотивом развития, способствуя ее диверсификации и модернизации [6]. Также авторы отмечают наличие тесной обратной взаимосвязи между показателями ресурсной зависимости и темпами экономического роста [7]. Реализация эффективного ресурсного режима, по мнению авторов, может способствовать «переводу ресурсного проклятия в ресурсное благословение».

Актуальность исследования обусловлена также общемировой тенденцией, выраженной в стремлении к устойчивому развитию (The Sustainable Development Goals, SDGs), которое было обозначено в Декларации Гене-

ральной ассамблеи ООН [8] и которое предполагает достижение 17 целей в условно выделенных областях, имеющих огромное значение для человечества и планеты, таких как люди, планета, процветание, мир, партнерство, что побудило научное сообщество к новым исследованиям в свете происходящих макроэкономических событий, в первую очередь на мировых рынках полезных ископаемых, в частности нефти и газа. В ряде научных работ признается, что нефтегазовая отрасль сохраняет огромный потенциал для вклада в достижение обозначенных целей Декларации либо за счет усиления положительного влияния, прежде всего способствуя социально-экономическому развитию регионов, либо за счет смягчения негативных последствий.

Целью исследования является сравнительный анализ социально-экономического положения и тенденций регионального развития нефтедобывающих субъектов РФ. В контексте вышесказанного наша работа направлена также на анализ их устойчивости в долгосрочной перспективе. Выбор данных нефтедобывающих регионов как объектов исследования обусловлен качественными и количественными характеристиками ресурсной базы и ролью нефтегазового комплекса в экономике региона [9].

Выбранные для анализа регионы (республики Татарстан, Удмуртская и Коми, Самарская и Томская области) обладают значительной ресурсной базой, аккумулированной преимущественно в мелких и средних месторождениях (>50%). Однако львиная доля добычи нефти принадлежит нескольким крупным месторождениям.

В соответствии с классификацией ресурсных регионов Республика Коми и Томская область отнесены к регионам с высоким уровнем ресурсной зависимости, Самарская область, Татарстан и Удмуртская Республика – регионы со средним уровнем ресурсной зависимости [7].

Более 90 лет нефтяная отрасль развивалась на идеях расширения географии поиска, разведки и освоения запасов углеводородов с запада на восток, от наиболее инфраструктурно развитых регионов к сложно доступным районам с суровыми природно-климатическими условиями, сложными горно-геологическими характеристиками [10], которые подкреплялись открытием крупных и уникальных месторождений. Рентабельность их разработки в совокупности с востребованностью на мировом рынке во второй половине XX в. являлась основой для придания нефтегазовому комплексу роли главного локомотива социально-экономического развития и диверсификации региональной экономики. Однако ухудшающееся в количественном и качественном плане состояние ресурсной базы делает маловероятным открытие крупных месторождений.

Как следствие, парадигма развития нефтегазовой отрасли предполагает ориентацию на поддержание добычи на разрабатываемых месторождениях и активное вовлечение в разработку мелких и мельчайших месторождений с запасами 1–5 млн т. Так, доля месторождений с запасами менее 1 млн т на территории республик Татарстан и Башкортостан составляет почти 70–90%. В ХМАО и Томской области этот показатель чуть менее 50%. Низкая

рентабельность разработки таких месторождений влечет за собой востребованность новых технологий, разработка которых является приоритетной задачей, обозначенной в Стратегии научно-технологического развития РФ [11]. Использование существующих технологий, которыми обладают высокотехнологичные иностранные компании, сдерживается санкционным давлением [12].

Таким образом, гипотеза исследования предполагает, что в регионах, территориально привязанных к Волго-Уральской нефтегазоносной провинции, устойчивость социально-экономического развития обеспечивается тем фактом, что нефтегазовый комплекс практически выполнил ключевую первоначальную роль локомотива региональной экономики, придающего стартовое движение и силу экономическому росту, и продолжает играть эту роль наряду с другими отраслями, а следовательно, позволяет обеспечивать более высокий уровень благосостояния населения по сравнению со среднероссийскими значениями. В Томской области, не обладающей уникальной ресурсной базой, подобно ХМАО, нефтегазовый комплекс не смог в полной мере реализовать исторически предназначенные ему функции двигателя экономики, что дополнительно сдерживает экономическое развитие относительно более низким уровнем диверсификации региональной экономики. В Томской области нефтегазовый комплекс не смог в полной мере реализовать исторически предназначенные ему функции двигателя экономики, что сдерживает экономическое развитие, в том числе вследствие низкого уровня диверсификации региональной экономики и недостаточности имеющихся финансово-инвестиционных ресурсов в бюджетной системе и у предприятий. В ХМАО-Югра, который является основным нефтедобывающим регионом России (более 42% от общей добычи в РФ), роль НГК в качестве локомотива социально-экономического развития и диверсификации экономики в настоящее время реализуется в полной мере вследствие имеющихся финансово-инвестиционных возможностей, в том числе для мер государственной поддержки промышленных предприятий автономного округа [13].

В качестве материалов исследования послужили официальные данные министерств и ведомств, в частности Федеральной службы государственной статистики, органов законодательной и исполнительной власти анализируемых нефтедобывающих субъектов РФ. Основными методами исследования являются эмпирический и экономико-статистические.

Добывающий сектор в регионах создает значительную долю ВРП, при этом в динамике за 10 лет (2008–2018) относительный вклад добывающей отрасли в ВВП РФ и ВРП рассматриваемых регионов увеличивается. Самый большой вклад добывающая промышленность вносит в ВРП Республики Коми (более 30%), в то время как среднероссийский уровень едва превышает 10%. Вклад добывающей промышленности в ВРП Томской области за 10 лет значительно увеличился и в отдельные периоды превышает 30%. При этом в абсолютном выражении объемы добычи нефти за аналогичный период времени меняются незначительно: в среднем за 10 лет в трех регионах (Татарстан, Самарская область, Коми) прирост добычи со-

ставил 16%, однако в двух регионах (Удмуртия и Томская область) объемы добычи сократились (на 3 и 10,8% соответственно). Лидером по объемам добычи является Республика Татарстан (более 35 млн т в год), Самарская область и Республика Коми ежегодно добывают в пределах 15 млн т, Удмуртия и Томская область замыкают этот рейтинг с объемом чуть более 10 млн т в год [14]. Занятость в добывающем секторе большинства регионов составляет в среднем от 1,2 до 2,5% экономически активного населения, однако в Республике Коми занятость выше – 7–7,5%, что доказывает наличие существенного влияния положения дел в добывающей промышленности на региональный рынок труда.

Таким образом, можно говорить о закреплении сырьевой ориентации экономики отдельных российских регионов, в том числе в Томской области, что может быть обусловлено как позитивными тенденциями развития добывающего сектора (благоприятной мировой конъюнктурой цен на энергоносители), так и ухудшением положения дел в экономике региона (например, обусловленной низким уровнем диверсификации производства или колебаниями валютного курса). Усиление сырьевой зависимости регионов также подтверждается исследованиями Е.С. Каган и Е.В. Гоосен. Авторы отмечают рост коэффициента зависимости как соотношения доли ресурсных отраслей в ВРП региона к доли ресурсных отраслей в ВВП РФ в 2005–2014 гг. [15]. Исчерпание ресурсного потенциала регионов может в дальнейшем привести к ухудшению не только финансовых и экономических показателей, но и социальных индикаторов.

Вклад отрасли в развитие регионов можно оценить путем сравнительного анализа динамики основных социально-экономических показателей добывающих регионов и аналогичных среднероссийских параметров.

Республика Татарстан, Удмуртия, Самарская область, Республика Коми, Томская область в совокупности обеспечивают 5,5–6% от общего объема национальной добычи углеводородов, при этом доля Томской области составляет лишь 0,5% ВВП РФ. Вместе с тем вклад добывающей промышленности в развитие региона довольно высок.

Изменения мировой хозяйственной конъюнктуры, внешнеполитические и внутриэкономические факторы в 2008–2018 гг. оказали существенное влияние на развитие региональной экономики. Восстановительный период в 2010–2012 гг. после мирового финансового и экономического кризиса 2008/2009 позволил нарастить номинальный ВРП в 1,5–2 раза по сравнению с уровнем 2008 г., однако в дальнейшем темпы роста существенно замедлились (рис. 1). В среднем за 10 лет ежегодный темп прироста номинального ВРП в рассматриваемых регионах составил 8,5–9%, что меньше среднероссийского уровня (10,13%). Темп прироста ВРП на душу населения оказался меньше (9,8%), при этом в большинстве рассматриваемых регионов фактический темп прироста меньше среднероссийского уровня на 0,5–1 п.п. По абсолютным размерам ВРП на душу населения Томская область занимает третье место среди рассматриваемых регионов после республик Татарстан и Коми.

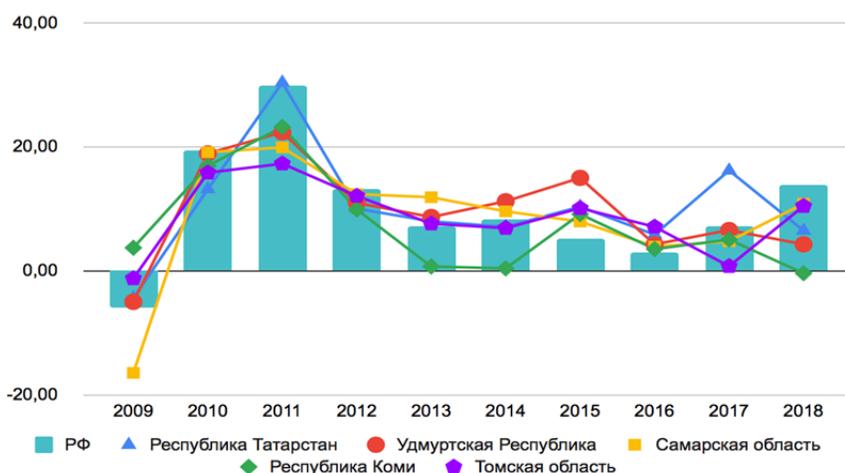

Рис. 1. Прирост ВРП/ВВП, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в регионах в 2008–2018 гг. стабильно растет, однако абсолютные размеры зарплаты в большинстве регионов меньше, чем среднероссийские значения (за исключением Республики Коми). Среднегодовой темп прироста номинальной заработной платы в рассматриваемых регионах составляет 9,16% против 9,55% в среднем по РФ, среднегодовые темпы прироста реальной начисленной заработной платы в регионах меньше 1,5%, в то время как в целом по РФ темп прироста реальной начисленной заработной платы составил 2,06%.

Более высокое абсолютное значение номинальной и реальной заработной платы в ресурсных регионах сопровождается более высоким, чем среднероссийский, уровнем безработицы в Томской области и Республике Коми (рис. 2).

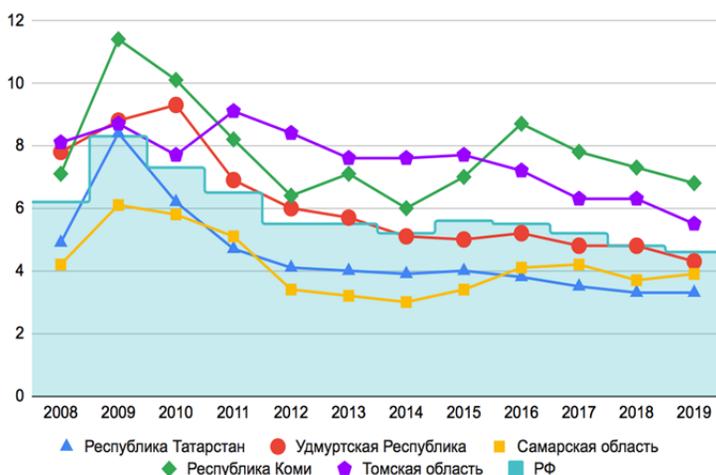

Рис. 2. Динамика безработицы, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Экономическое развитие регионов создает финансовую базу для социального развития – производства общественных благ, обновления производственной, транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры, что, в свою очередь, является неотъемлемым условием дальнейшего повышения привлекательности регионов для проживающих и желающих мигрировать в регион людей.

Среди главных индикаторов привлекательности территории для проживания – динамика численности постоянного населения, которая, в свою очередь, обусловлена динамикой рождаемости и смертности, а также динамикой межрегиональной и международной миграции. За рассматриваемый период численность населения РФ меняется незначительно (среднегодовой прирост – 0,25%), исключение составляет 2015 г., когда численность населения РФ существенно приросла за счет вновь присоединенных территорий (рис. 3).

Прирост численности населения в большинстве ресурсных регионов не только меньше среднероссийского уровня, но и в большинстве периодов – отрицательный, что вызывает дополнительные вопросы о факторах, которые обуславливают подобное положение дел. Положительный абсолютный прирост населения наблюдается только в Республике Татарстан. В Томской области положительные значения прироста численности могут быть обусловлены притоком абитуриентов в вузы Томска из других регионов и стран СНГ, многие из которых по окончании обучения остаются жить и работать в регионе. В Республике Коми наблюдается устойчивое сокращение абсолютной численности населения (в среднем на 1% в год), несмотря на самую большую долю нефтегазового сектора в ВРП и самую высокую номинальную заработную плату, что при прочих равных условиях должно было стать значимым фактором привлечения в регион новых кадров.

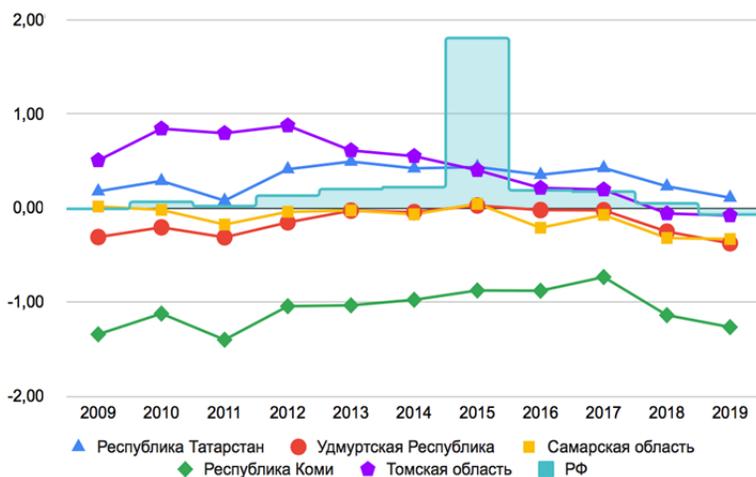

Рис. 3. Прирост численности постоянного населения, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Ухудшение демографической ситуации в регионах и в РФ в целом в большей степени обусловлено снижением рождаемости, которая, даже несмотря на устойчивую тенденцию снижения смертности населения в 2008–2018 гг., не обеспечивает устойчивого естественного воспроизводства населения. Темпы изменения смертности в ресурсных регионах в целом соответствуют общероссийским тенденциям (рис. 4), что может быть обусловлено естественными причинами (смертность как следствие заболеваний, в том числе сезонное распространение инфекций). Также весомую роль в высокой смертности играет состояние региональной системы здравоохранения, качество и доступность медицинской помощи. Например, значительная удаленность сельских населенных пунктов от областного центра в Томской области, труднопроходимый рельеф в северо-восточной части региона могут быть причиной высокой смертности в сельских населенных пунктах из-за отсутствия возможности вовремя обратиться за медицинской помощью, так как оптимизация здравоохранения привела к закрытию большей части ФАПов в селах и поселках. В результате в Томской области в 2019 г. смертность выросла на 2%, в то время как в других нефтедобывающих регионах она снизилась на 2–4%.

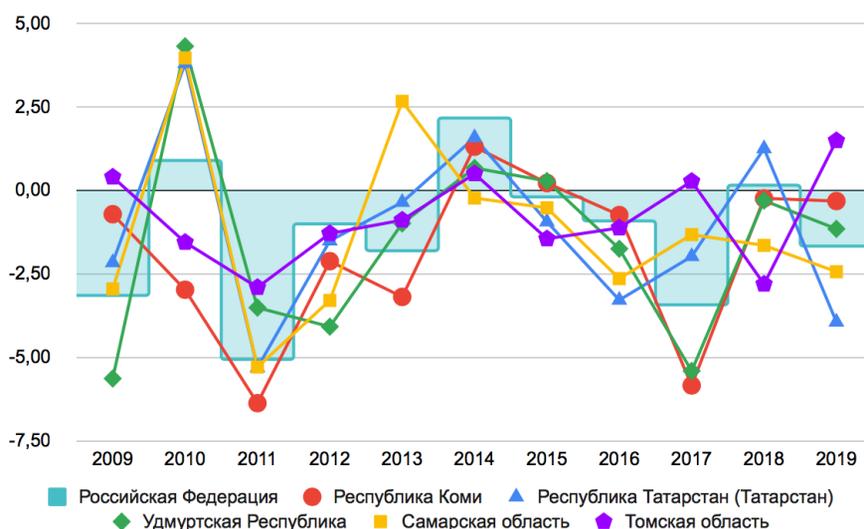

Рис. 4. Темпы прироста смертности, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Основной причиной сокращения численности населения является значительное сокращение рождаемости (в некоторых случаях более 10–12% в год) как в целом по РФ, так и в нефтедобывающих регионах. При этом также наблюдаются устойчивые тенденции сокращения рождаемости, которые, скорее всего, носят общероссийский характер (лавинообразное снижение рождаемости после 2015 г.), однако если в 2009–2015 гг. в ресурсных регионах темпы роста рождаемости немного, но превышали сред-

нероссийский уровень (например, в Татарстане в 2012 г.), то в 2016–2019 гг. темпы снижения рождаемости в трех регионах из пяти превышают среднероссийский уровень (рис. 5).

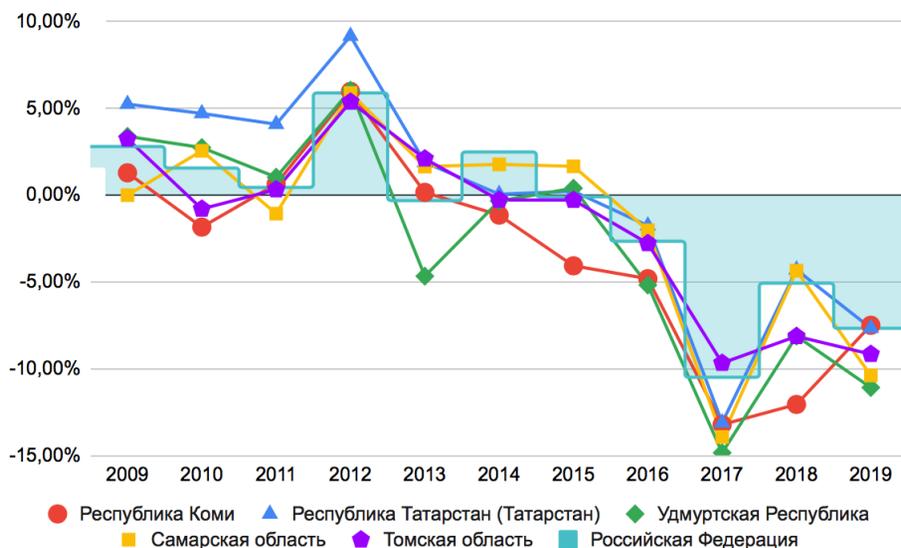

Рис. 5. Темпы прироста рождаемости, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

В результате коэффициент естественного прироста населения во всех ресурсных регионах с 2016 г. неуклонно снижается, отражая в том числе среднероссийские тенденции (рис. 6), при этом для рассматриваемых территорий характерно небольшое превышение уровня естественного прироста населения над среднероссийскими значениями. В Самарской области воспроизводство населения отражает общие тенденции с той лишь небольшой оговоркой, что за весь рассматриваемый период естественный прирост населения в регионе отрицательный. Если смертность главным образом обусловлена состоянием здравоохранения региона, то рождаемость, напротив, отражает репродуктивное поведение семей, которое во многом зависит от качества социальной инфраструктуры региона, ожиданий относительно будущего, а не только от текущего уровня доходов и инструментов государственной поддержки семей с детьми.

Таким образом, актуальными и обоснованными являются предложения по продлению программы материнского капитала в РФ, в том числе в части стимулирования рождения уже первого ребенка и дополнительных выплат при увеличении количества детей в семье за счет федеральных и региональных финансовых источников. Финансовые возможности бюджетов нефтедобывающих регионов несколько больше, что, при прочих равных условиях, будет способствовать улучшению демографической ситуации.

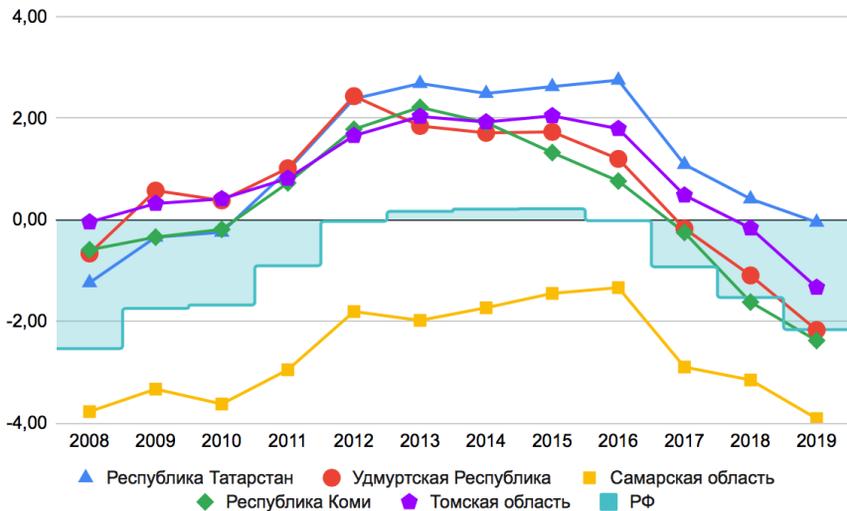

Рис. 6. Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 чел.).
 Источник: составлено авторами по данным Росстата

Однако региональной власти не следует забывать и о социальной инфраструктуре на территории, так как именно она во многом определяет ожидания населения, миграционные процессы и инвестиционную привлекательность.

Текущее состояние социальной, транспортной, коммунальной инфраструктуры в РФ позволяет дать комплексные рейтинги, одним из которых являются оценки РИА Рейтинг.

Авторы методики РИА Рейтинг используют 70 показателей по 11 блокам: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры [16]. Чем выше место региона в рейтинге, тем выше качество жизни населения в регионе. Лидерами рейтинга на протяжении многих лет являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Белгородская область, Краснодарский край. Среди рассмотренных нефтедобывающих регионов лидером рейтинга также является Республика Татарстан, укрепляя свои позиции в 2010–2019 гг., несмотря на ухудшение мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей в 2015–2019 гг. Самарская область и Удмуртская Республика сохраняют позиции в рейтинге на уровне 8–20-го и 40–50-го места соответственно. Томская область и Республика Коми, напротив, серьезно ухудшили свое положение в 2016–2019 гг., в период более чем двукратного падения цен на нефть на мировом рынке (рис. 7). Данное обстоятельство позволяет подтвердить выводы исследователей о высокой степени ресурс-

ной зависимости экономик этих регионов, когда сокращение доходов нефтедобывающих компаний негативно сказывается на уровне доходов региональных и местных бюджетов.

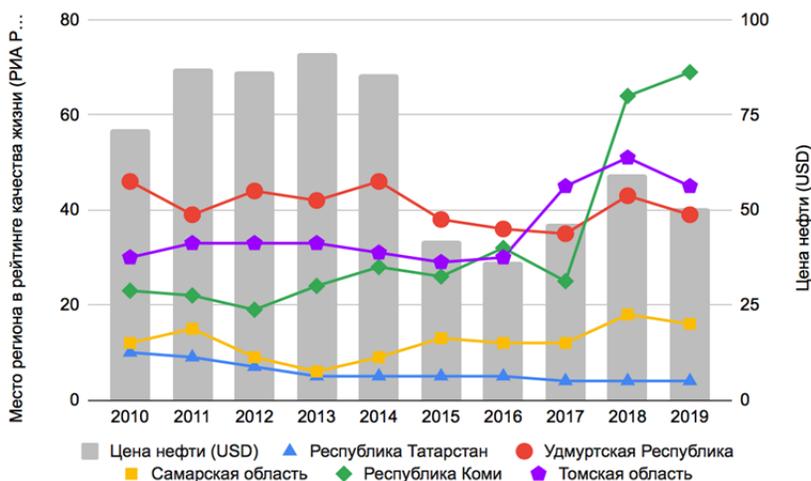

Рис. 7. Цена нефти Brent и рейтинг качества жизни регионов РФ.

Источник: составлено авторами по данным РИА Рейтинг

Дополнить оценки качества жизни в регионах также могут показатели бедности населения. Даже принимая во внимание недостатки современной российской системы учета бедности (бедными официально считаются только те лица, доходы которых составляют меньше величины прожиточного минимума – абсолютная бедность, в то время как в большинстве развитых стран бедными признаются лица с доходом менее 60% от среднего дохода по стране – относительный критерий бедности), фактический уровень бедности населения в большинстве рассмотренных нефтедобывающих регионов, за исключением Республики Татарстан, оказался выше среднероссийского (рис. 8), что по сути можно расценивать как абсолютный нонсенс. Высокие доходы, которые получали нефтедобывающие компании от благоприятной мировой конъюнктуры, не способствовали улучшению социально-экономического положения населения в регионах. Данное обстоятельство может быть обусловлено не только низким уровнем диверсификации региональных экономик, но и спецификой формирования доходной базы региональных и местных бюджетов. Львиная доля налогов от предприятий нефтегазового комплекса поступает в федеральный бюджет, таким образом, региональные и местные бюджеты оказываются без источников обеспечения финансовой устойчивости, не имеют ресурсов для развития социальной, транспортной, производственной инфраструктуры, укрепляя, как следствие, ресурсную зависимость региональных экономик.

Реструктуризация и реорганизация нефтедобывающих компаний региона приводят к концентрации бизнеса в Москве и Московской области, а

также в Санкт-Петербурге, что способствует централизации финансовых потоков, вследствие этого источники регионального развития еще больше сокращаются, усиливается региональное неравенство, аккумулирует не только финансы, но и трудовой потенциал, инновации и инфраструктуру в нескольких крупных центральных, западных и южных регионах.

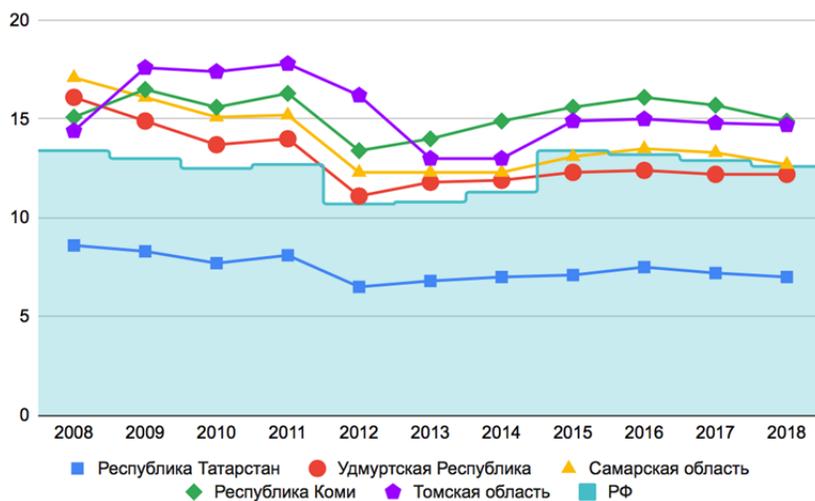

Рис. 8. Уровень бедности, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Таким образом, динамика социальных показателей демонстрирует устойчивую тенденцию закрепления ресурсной зависимости регионов с небольшими запасами углеводородного сырья. Ресурсный сектор можно рассматривать в качестве локомотива экономического развития только в Республике Татарстан. Высокий уровень диверсификации региональной экономики, собственные нефтедобывающие и перерабатывающие предприятия в Татарстане обеспечивают устойчивое развитие хозяйства региона, которое в меньшей степени зависит от колебаний мировой конъюнктуры и других факторов. Напротив, Томская область, Республика Коми, Удмуртская Республика характеризуются существенными отраслевыми диспропорциями, которые негативно сказываются на конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности регионов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».
2. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 392 с.
3. Mapping the oil and gas industry to the sustainable development goals: an atlas. IPECA. URL: <https://www.ipieca.org/media/4404/online-mappingoilandgastodsgatlas.pdf> (дата обращения: 17.09.2020).

4. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.
5. Белькина А.С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 246–248.
6. Левин С.Н., Каган Е.С., Саблин К.С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 3. С. 92–101.
7. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. № 17 (3). С. 89–106. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106
8. Декларация Генеральной ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 17.09.2020).
9. Шарф И.В., Михальчук А.А. Налоговые льготы в системе недропользования. Воспроизводственный аспект // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 3. С. 791–805.
10. Эдер Л.В., Конторович А.Э. Необходимость смены парадигмы развития нефтегазового комплекса в России // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 3, № 1. С. 16–23.
11. Указ Президента России от 1 декабря 2016 года № 642. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://government.ru/docs/37705/> (дата обращения: 17.09.2020).
12. Филимонова И.В., Эдер Л.В., Комарова А.В., Проворная И.В., Немов В.Ю. Ресурсные регионы России: социально-экономические показатели и инновационное развитие // Научеёмкие технологии разработки и использования минеральных ресурсов. 2018. № 4. С. 167–171.
13. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31 марта 2016 года № 23-оз «О промышленной политике в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». URL: <http://docs.cntd.ru/document/411724736/> (дата обращения: 17.09.2020).
14. Эдер Л.В., Филимонова И.В., Немов В.Ю., Проворная И.В. Нефтегазовая промышленность Приволжского федерального округа на этапе перехода к новой парадигме развития // Бурение и нефть. 2018. № 7-8. С. 3–13.
15. Каган Е.С., Гоосен Е.В. К вопросу об идентификации регионов ресурсного типа // Институциональная трансформация экономики: пространство и время : сборник докладов V Международной научной конференции : в 2 т. Кемерово, 2017. С. 57–64.
16. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

Trends in Social Sustainable Development Indicators for Russian Oil-and-Gas Regions
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 195–209. DOI: 10.17223/19988648/53/14

Elena A. Frolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

Irina V. Sharf, Tomsk Polytechnic University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_sharf@mail.ru

Keywords: oil-producing regions, sustainable development, quality of life, resource dependence, social and demographic indicators.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-010-00660

The article presents an assessment of social sustainable development indicators for Russian oil-and-gas regions. Natural energy resources are one of the most important factors in ensuring the competitiveness of regional economy. However, the resource sector development leads to a subnational resource dependence and to a decline in the quality of life indicators.

Natural resources could be a motor of economic development. For this purpose, local authorities should enhance the social and market infrastructure, innovation and investment activity, create institutions that support diversification and prevent the overindulgence of resource companies. The natural resources' impact on the quality of life for Tomsk Oblast, the Komi Republic, the Udmurt Republic, the Republic of Tatarstan, and Samara Oblast was assessed. These regions have small energy resource (oil and gas) reserves, but mining creates 15 to 30% of the regional product. Extractive industries employ 2% of the workforce. World economy trends in 2008–2018 had a significant negative impact on the mining sector of these regions. Dependence on oil prices has led to a reduction in subnational budget revenues, the Gross Regional Product growth rate has declined, the poverty rate has increased, and the quality of life indicators have decreased. Demographic indicators (fertility and mortality rates) have also worsened. The social and economic development indicators in most of the considered oil-and-gas regions became worse than the same indicators in Russia. This fact indicates a high level of resource dependence of subnational economies (resource curse). Only in the Republic of Tatarstan the resource sector became the motor of the regional economic performance, despite the decline in oil prices. As a result, Tatarstan occupies a leading position in the rating of the quality of life indicators. The level of poverty in Tatarstan is lower than in other resource regions and in Russia. Tatarstan also has a high level of population growth, low unemployment, and higher rates of economic growth than Russia. The worst situation is in Tomsk Oblast and in the Komi Republic, in which the share of the extractive sector in the Gross Regional Product is 30%; therefore, the indicators of the socioeconomic development are highly dependent on the oil-and-gas companies' performance. Low diversification, transport accessibility limitations, poor natural and climatic conditions, as well as a decrease in the income of oil-and-gas companies due to the fall in oil prices leads to an increase in poverty rates in these regions, increases the out-region migration of the working-age population, which reduces regional competitiveness. Thus, the economies of most of the considered oil-and-gas regions cannot be considered sustainable.

References

1. Consultant.ru. (2017) *Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017, No. 13: "On Approval of the Fundamentals of State Policy for Regional Development of the Russian Federation for the Period until 2025"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/. (In Russian).
2. Kuznetsova, O.V. (2015) *Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Regional Policy of Russia: 20 Years of Reforms and New Opportunities]. Moscow: LIBROKOM.
3. IPIECA. (2013) *Mapping the oil and gas industry to the sustainable development goals: an atlas*. [Online] Available from: <https://www.ipieca.org/media/4404/online-mappingoilandgastodsgatlas.pdf> (Accessed: 17.09.2020).
4. Guriev, S., Plekhanov, A. & Sonin, K. (2010) Economics of Development Based on Commodity Revenues. *Voprosy Ekonomiki*. 3. pp. 4–23. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2010-3-4-23
5. Bel'kina, A.S. (2015) Socio-economic inequality of Russia's regions: Ways of solving the problem. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3 (55). pp. 246–248. (In Russian).
6. Levin, S.N., Kagan, E.S. & Sablin, K.S. (2015) "Resource type" regions in the modern Russian economy. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 7 (3). pp. 92–101. (In Russian).
7. Kurbatova, M.V., Levin, S.N., Kagan, E.S. & Kislitsyn, D.V. (2019) Resource-type regions in Russia: Definition and classification. *Terra Economicus*. 17 (3). pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106

8. UN. (2015) *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (Accessed: 17.09.2020). (In Russian).
9. Sharf, I.V. & Mikhail'chuk, A.A. (2019) Tax Incentives in the System of the Natural Resources Management: Reproduction Aspect. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 15 (3). pp. 791–805. (In Russian). DOI: 10.17059/2019-3-13
10. Eder, L.V. & Kontorovich, A.E. (2017) Neobkhodimost' smeny paradigmy razvitiya neftegazovogo kompleksa v Rossii [The need to change the paradigm of the development of the oil and gas complex in Russia]. *Interespo Geo-Sibir'*. 3 (1). pp. 16–23.
11. Russian Federation. (2016) *Decree of the President of Russia of December 1, 2016, No. 642: "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/37705/> (Accessed: 17.09.2020). (In Russian).
12. Filimonova, I.V. et al. (2018) Resursnye regiony Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli i innovatsionnoe razvitie [Resource regions of Russia: Socioeconomic indicators and innovative development]. *Naukoemkie tekhnologii razrabotki i ispol'zovaniya mineral'nykh resursov*. 4. pp. 167–171.
13. Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug. (2016) *Law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra of March 31, 2016, No. 23-oz "On industrial policy in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra"*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/411724736/> (Accessed: 17.09.2020). (In Russian).
14. Eder, L.V., Filimonova, I.V., Nemov, V.Yu. & Provornaya, I.V. (2018) The oil and gas industry of the Volga Federal District at the stage of transition to a new development paradigm. *Burenie i nef't'*. 7–8. pp. 3–13. (In Russian).
15. Kagan, E.S. & Goosen, E.V. (2015) K voprosu ob identifikatsii regionov resursnogo tipa [On identifying resource-type regions]. *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: prostranstvo i vremya* [Institutional transformation of the economy: space and time]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 57–64. (In Russian).
16. RIA. (2019) *Rating of regions of the Russian Federation: Quality of life*. [Online] Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018.pdf (Accessed: 20.09.2020). (In Russian).